

The book cover features a central illustration of a woman with voluminous, wavy brown hair, looking slightly to her left with a contemplative expression. She is wearing a dark, possibly black, jacket over a light-colored top. The background is a deep, textured blue. Several white doves are depicted in flight, their wings spread, surrounding the woman. One dove is prominently shown in the lower left, another in the lower right, and a third is partially visible at the top center. The overall mood is serene and evocative.

ЭРНЕСТО
КИНЬОНЕС

тайна

Перевод Елены Тепляшиной

Первая книга Хулио

ТАИНА

*О чудесных беременностях
рассказывают старухи, к кругу которых
вы меня не отнесете.*

Хосе Доносо.
Непристойная ночная птица

Песнь первая

И когда пятнадцатилетняя Таина Флорес забеременела, она сказала: может быть, какой-нибудь ángel проник в подъезд. Поднялся на лифте. Вышел на ее этаже. Покинул свое тело и туманом просочился под дверь ее комнаты. Старейшины в Зале Царства Свидетелей Иеговы подвергли допросу мать Таины, сестру Флорес, и та поклялась, что Таина никогда не знала мужчины. Что она, сестра Флорес, всегда учила свою дочь: «Si es macho, ruede»¹. Сестра Флорес, по ее словам, столь внимательно присматривала за дочерью, что уверена: Таина даже не мастурбирует. Ее ответ вызвал у старейшин неловкость. Они заерзали на стульях. Мастурбация, конечно, грех, но не причина беременности. Старейшины принялись выпрашивать о месячных Таины: бывает ли у нее обычное женское часто, с задержкой или по-разному? Какие средства она использует? Те, которые впитывают, или те, что формой походят на мужской орган? К тому времени у Таины словно кончился воздух, и на вопросы отвечала ее мать.

Судбище продолжалось несколько недель. Каждое воскресенье, после службы, старейшины призывали обеих женщин в холодную комнату. Паства, хоть и смущенная, посмеивалась у них за спиной; сестра Флорес отстаивала историю своей дочери. Старейшины предложили сводить Таину в больницу, засвидетельствовать, что она не девственница. Но Таина и сестра Флорес отказывались, отказывались снова и снова. «Dios sabe², — клялась сестра Флорес. — Я сказала правду».

¹ Мужчина — может (*исп.*). Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.

² Бог свидетель (*исп.*).

Наконец старейшины выгнали обеих из Свидетелей: сестра Флорес не оставила им выбора.

Обе женщины, показываясь впоследствии на улицах Испанского Гарлема, являли собой странное зрелище, потому что мало говорили — что друг с другом, что с кем-нибудь еще. Они шагали по улице, взявшись за руки, мать крепко держала дочь; выходили они только по необходимости: в супермаркет или за социальным пособием. Бывали места, где две эти женщины не показывались: кинотеатр, салон красоты, пекарня. Они жили во вселенной, состоявшей из них двоих, и казалось, что даже толпа не сможет вывести их из равновесия. Ни улюлюканье шпаны в адрес Таины: «Mira, ¿to' eso tuyo?»¹ Ни сплетни женщин в прачечной самообслуживания, жала которых были направлены на донью Флорес: «Perras cuidan a sus hijas mejor que esa»².

В школе Таина сидела одна, почти затерявшись среди прочих подростков. Ее не заботили ни одежда, ни косметика, ни популярность. Подобно своей матери, она улыбалась, когда кто-нибудь улыбался ей, но не отвечала, словно именно улыбка ее говорила: «Таина тебе не враг, но в дружбе твоей не нуждается». Таина нравилась мальчикам, они влюблялись в нее, но быстро теряли интерес, потому что Таина смотрела или в стенку, или в никуда, словно человека, заговорившего с ней, не существует вовсе. Мальчики считали ее высокомерной. Знала ли она, что красива? Трудно понять, красив ты или нет. Я спрашивал себя, чего еще Таина не знает. Может быть, она не знает, что ее голос — это дар? Я слышал, что Таина красиво поет. Что школьный

¹ Это все твое? (*исп.*)

² Собаки о своих дочерях лучше заботятся (*исп.*).

хор держится на ней. Что когда она запекает соло, всех пробирает дрожь. Ее голос был самой сутью музыки. Он начинался жалобным, словно младенческим, плачем. Потом приходило рыдание, голос менялся, он просачивался тебе под кожу и, как поток воды, смывал твою боль. Когда она поет, говорила мисс Кэхилл, учительница физики, видишь тех, кого любишь, и тех, кто любит тебя. Люди чувствуют своих возлюбленных, обоняют их. По ее словам, голос Таины пропитывает одежду и держится неделями, сколько ни стирай свои вещи, сколько мыла ни изводи. Ее голос впитывался в каждый волосок на голове слушателя; и волосы по многу дней пахли ее пением, словно сигаретным дымом. Одна чернокожая девушка в тот день заплакала и сказала Таине: «Ты воспламенила все вокруг. Ты пела, словно в церкви». Вот что говорили про пение Таины. И вот чего я хотел. Я хотел услышать этот звук, этот голос, хотел услышать любовь. Звук, которого люди ждут всю свою жизнь. Я хотел увидеть того, кто любит меня. Но все пошло прахом. Таина как-то пришла на урок биологии — я тоже там был, — но не пела. Она произнесла одно-единственное слово: «голубь». Слово прозвучало жестко, словно ее язык не знал сладостей, а выговор сочился испанским, будто Таина всего несколько дней как прибыла в Соединенные Штаты.

Стыд.

Говорили, что именно *bochorno*¹ заставил Таину и ее мать вести себя по-монашески, проводя жизнь взаперти, словно на них наложили епитимью. Говорили: какой позор, весь квартал знает, из-за чего Таина перестала петь. Тот самый позор, с которым две эти одиноко живущие женщины боялись встретиться

¹ Стыд (*исп.*).

лицом к лицу и потому закрывали дверь перед всеми и перед всем. Говорили, что донья Флорес оказалась отвратительной матерью. Говорили, что донье Флорес надо было думать головой. Что еще когда Таина Флорес была ребенком, всем, у кого есть дети, делалось ясно: она вырастет красавицей и начнутся проблемы. А когда глаза Таины стали искриться, как озера в Центральном парке, и груди ее перестали быть тем, над чем мальчишки смеются, и стали тем, что они жаждут сжимать в темноте, — тогда ожидаемая катастрофа и произошла. Красивую девушку вроде Таины следует держать под замком, к тому же донья Флорес не понаслышке знает о мужчинах, что подстерегают одиноко гуляющих девушек в пустых лифтах.

Произошла, по всеобщему заключению, трагедия. Школа направила психологов в квартиру 2Б в доме номер 514 на углу 100-й Восточной улицы и Первой авеню. Донья Флорес не открыла им дверь. Несколько раз приходили из уголовного розыска, желая добиться заявления о преступлении. Донья Флорес не открыла дверь. К ней стучались соцработники. Донья Флорес не открыла дверь. Вскоре нежелательные визиты прекратились, и донья Флорес забрала Таину из школы. В личное дело Таины не лег ни один документ. Ее забрали даже не под предлогом перевода на домашнее обучение. Таина в один прекрасный день просто перестала посещать школу.

Теперь на улицах появлялась только донья Флорес: она или тащила продукты, или направлялась в «Чек-О-Мейт» обналечивать социалку. Сплетни утратили свежесть, Испанский Гарлем нашел новый предмет для пересудов. Все стали относиться к двум женщинам так, как им того хотелось: их оставили в покое.

Единственным человеком, которому донья Флорес на моих глазах открывала дверь, был один очень-очень высокий старик. Росту в нем было около семи футов, и он носил блестящую черную накидку на красной подкладке, какие когда-то носили медсестры. Большерукий, старый... Думаю, ему было под семьдесят, но глаза у него иногда вспыхивали, как светляки. В нашем квартале его прозвали Вехиганте, как долговязого пуэрто-риканского дьявола, но никто о нем ничего не знал. Вехиганте просто в один прекрасный день появился в Испанском Гарлеме из ниоткуда, словно он долгие годы пролежал в ящике стола. В первый раз его заметили за год до случая с Таиной, на параде в честь Дня Пуэрто-Рико, в костюме vejigante, а вскоре он и поселился в Эль Баррио¹. Подобно Таине и ее матери, он ни с кем не общался и выбирался на улицу только по ночам.

Я много раз приходил к двери квартиры, где жила Таина. Я жил в том же доме, на десятом этаже. Спускался на лифте и выходил на втором. И когда я выходил из лифта, сердце мое пускалось вскачь, словно я намеревался потревожить дитя, которое не следовало будить. На ватных ногах я подходил к квартире 2Б и прикладывал ухо к двери. Я не слышал ничего, кроме абсолютной тишины, словно квартира стояла пустой в ожидании жильцов, которые вот-вот снимут ее. Однажды, когда я стоял, прижав ухо к двери, меня застучала соседка из 2А. Она сказала, что тоже так делала и что я ничего не услышу. Что из-под двери 2Б не просачивается ни звука, словно там не живут даже мертвые, потому что даже мертвые, сказала она, иногда шумят.

Но я продолжал приходить, потому что был уверен: с Таиной будет как в Библии. Я словно воочию видел,

¹ Испанский (Восточный) Гарлем.